

После нескольких небольших дождей цветы и деревья во дворе пышно расцвели, и пришло время для проведения весеннего банкета в резиденции премьер-министра.

Поскольку Ли Чжунцянь собирался отправиться на войну, Ли Йоинь была слишком занята, чтобы пойти на банкет, так как руководила подготовкой и организацией его багаж.

Резиденция премьер-министра, наполненная благовониями и украшенная развевающимися полотнами, была полна почетных гостей. Юные леди из каждой семьи были великолепно накрашены и одеты в яркие, роскошные одежды. Когда они услышали, что седьмая принцесса не приедет, все они изобразили сожаление, но втайне испытывали облегчение. Будь здесь седьмая принцесса, стал бы кто-нибудь смотреть на них?

Ли Чжунцянь вспомнил, что много лет назад он обещал Йоинь поехать с ней на скачки к реке Цюцзян. Позабывшись о военных делах, брат и сестра взяли с собой лишь нескольких сопровождающих и, скрыв свои личности, поехали в Цюцзян, чтобы сделать несколько кругов верхом на лошадях.

За день до отправки в поход Ли Чжунцянь отправился во дворец, чтобы навестить Се Гуйфэй.

Се Гуйфэй сидела перед перилами, наблюдая, как дворцовые служанки развлекаются на качелях. Вокруг ступеней росла душистая трава, а солнечный свет приятно согревал. Она не пользовалась косметикой. В простом платье, с улыбкой разговаривая с дворцовыми служанками, она выглядела умиротворенной.

Ли Чжунцянь подошел к ней.

Как раз в этот момент он услышал, как Се Гуйфэй подзывает молодого слугу:

- Эр Лан*, у тебя растрепанные волосы. Иди сюда, мама расчешет тебе волосы.

(ПП: второй сын)

Мальчик-слуга улыбнулся в ответ и, выйдя в коридор, столкнулся с мрачным Ли Чжунцянем. Его лицо побелело, он сделал несколько шагов назад и упал на колени.

- Ваше Высочество, простите меня!

Он дрожал, не смея поднять голову.

Се Гуйфэй часто путала людей, всегда называя дворцовую служанку А-Вэй седьмой принцессой, а молодого слугу - вторым принцем. Когда они не отвечали ей, Се Гуйфэй впадала в панику и тревожилась. Позже главный управляющий попросил слугу и А-Вэй следовать за Се

Гуйфэй, притворившись, что они юные императорские принцесса и принц. Седьмая принцесса также велела им не беспокоиться, сказав, что их не будут винить, и только поэтому скромный слуга осмелился ответить на призыв Се Гуйфэй.

Ли Чжунцян не сказал ни слова. Подождав некоторое время и не увидев слуги, Се Гуйфэй озадаченно огляделась. Ли Чжунцян и его мать несколько мгновений смотрели друг на друга. Се Гуйфэй выглядела растерянной.

Ли Чжунцян отвел взгляд и равнодушно сказал:

- Все в порядке, Гуйфэй зовет тебя, иди.

Молодой слуга испустил протяжный вздох, поднялся на ноги и в мгновение ока убежал. Се Гуйфэй улыбнулась и позвала его:

- Эр Лан, иди медленно, не упади.

Ли Чжунцян долго стоял в углу, а затем повернулся, чтобы уйти. А-Вэй вывела его из ворот дворца и, увидев, что он выглядит холодным, не могла не объяснить:

- Мой господин, вы не должны обвинять Ее Светлость...

Ли Чжунцян спокойно прервал ее:

- Я не виню мать.

Он понимал, что мать ведет себя, потому что больна.

Близкие охранники ждали у дворцовых ворот со своими лошадьми. Ли Чжунцян взял поводья, и его фигура внезапно замерла.

- Я хочу спросить тебя об одной вещи: отвечай честно и ничего не утаивай.

Его тон был холодным и внушительным.

А-Вэй почтительно сказала:

- Спрашивайте, Ваше Высочество, я не смею ничего скрывать.

Ли Чжунцян спросил:

- За последние несколько месяцев седьмую принцессу снова рвало кровью, как в прошлом году?

А-Вэй была ошеломлена. Она на мгновение задумалась, затем покачала головой.

- Ваше Высочество, принцесса постоянно принимала таблетки Нинглу, и ее не рвало кровью.

Ли Яоинь была слабой и болезненной с самого детства, и хотя за последние два года ей стало намного лучше, она не переставала принимать лекарства. Лекарство представляло собой пилюлю, которую Фэн Юй приготовил из десятков редких трав, подаренных императору в качестве дани уважения, и назвал пилюлей Нинглу.

Ли Чжунцян ничего не сказал, но выражение его лица немного расслабилось. В прошлом году у Ли Яоинь внезапно начались спазмы и рвота кровью, и ее жизнь висела на волоске.

Ли Чжунцян почувствовал, что болезнь его сестры была странной, и несколько дней держал ее под охраной. Она сказала, что ела только сырую рыбу, и у нее расстроился желудок. Ли Чжунцян видел, как ей было больно, когда ее рвало кровью, поэтому, конечно, он ей не поверил.

Когда он спросил Фэн Юя, тот не смог сказать ему, причину. Позже Яоинь быстро поправилась и так посвежела, что не выглядела так, будто была серьезно больна.

У Ли Чжунцяня не было другого выбора, кроме как спрятать свои сомнения в глубине души.

Он оседлал своего коня и встретил наступающие сумерки со вздохом облегчения. Что бы Яоинь ни скрывала от него, пока она в порядке, все хорошо.

Через полчаса Ли Чжунцян вернулся в свою резиденцию. Передний двор был переполнен смеющимися и болтающими людьми, а широкое пространство парадного зала было заполнено плотной массой людей внутри и снаружи.

Чаншу провел Ли Чжунцян по переднему двору и с улыбкой сказал:

- Ваше Высочество, в переднем дворе раздают награды.

Губы Ли Чжунцяня скривились:

- Это приказала седьмая принцесса?

Чаншу кивнул в ответ. Всякий раз, когда второй принц отправлялся в поход или одерживал победу, седьмая принцесса приказывала управляющему выплатить вознаграждение

внутренним и внешним слугам резиденции.

Передний двор был запружен людьми, и во внутреннем дворе тоже было оживленно: на веранде громоздились открытые коробки и сундуки, девушки-служанки вносили и выносили подносы, и все это сопровождалось громким топотом.

Яоинь стояла перед дверью, направляя служанок. Великолепный свет заката просачивается сквозь цветущие ветви деревьев, отбрасывая на нее легкую тень.

Она грациозно стояла перед ступеньками, ее фигура была стройной, алые губы приоткрывали белоснежные зубы. Когда она оглянулась и увидела приближающегося Ли Чжунцяня, ее брови слегка изогнулись. Ее глаза были от природы очаровательны, блестя, как прозрачная вода в осеннем пруду, и сверкая сквозь густые ресницы, словно рябь весеннего цвета.

- Брат.

Она мягко звала его, лучезарно улыбаясь. Цветы в саду нежно трепетали под дуновением сумеречного ветерка из-за ее сияющей красоты.

Губы Ли Чжунцяня дрогнули, когда он поднял руку, чтобы убрать лепесток цветка абрикоса, упавший на виски Яоинь. Его сестра, которую он оберегал и баловал, выросла.

Яоинь втолкнула Ли Чжунцяня в дом:

- Завтра ты идешь на битву, поэтому сегодня ложись спать пораньше, и кто бы тебя ни позвал, тебе запрещено выходить и пить!

Однажды он так напился, когда отправлялся в экспедицию, что все чиновники, провожавшие его в путь, смотрели на него косо.

Ли Чжунцянь поднял брови и протянул:

- Я знаю, госпожа управляющая!

Яоинь посмотрела на него с притворным гневом.

Она навела порядок во всех местах, проверила его сумку и оставалась занятой до самой ночи. То ли потому, что она слишком много думала в последние два дня, но Яоинь спала очень беспокойно.

Ей приснился сон.

Во сне шел проливной дождь, и она была погребена под трупами, не в силах дышать и не в силах перевернуться. Повсюду лежали мертвые люди, а она пропиталась дождевой водой, окрашенной в красный цвет от крови, ее тело заледенело.

- Сяо Ци! Сяо Ци! - голос с тревогой выкрикнул ее имя.

Одиннадцатилетний мальчик с чистым и ломким молодым голосом дрожал, снова и снова выкрикивая:

- Сяо Ци!

Под проливным дождем его голос охрип от криков, и он стоял на коленях перед грудой мертвых, ободранными руками переворачивая их один за другим, чтобы опознать разлагающиеся трупы.

- Не бойся...

- Старший брат идет...

- Сяо Ци, не бойся...

Яоинь хотела позвать его, но у нее сдавило горло, и она не смогла издать ни звука.

Прошла долгая ночь, дождь все не прекращался, а подросток все еще упорно искал. Через неизвестное количество времени мертвое тело охранника, прижатое к телу Яоинь, отодвинулось, и яркий свет полился вниз. Одиннадцатилетний Ли Чжунцянь стоял перед ней на коленях, его глаза были красными.

Яоинь посмотрела на его лицо и больше не могла подавить свой страх, слезы потекли из ее глаз:

- Брат... мне страшно...

Губы Ли Чжунцяня несколько раз дрогнули. Дрожа всем телом, он крепко обнял ее.

- Сяо Ци, не бойся, брат пришел за тобой.

Яоинь вцепилась в его воротник и закричала.

В следующее мгновение одиннадцатилетний мальчик ушел далеко, а Яоинь обнаружила, что стоит посреди бесплодной песчаной земли. Ветер ревел у нее в ушах, под огромным небом был

только желтый песок до самого горизонта.

Легкий черный жеребец скакал с холма, как стрела, спущенная с тетивы, а на его спине сидел крепкий юноша с прямыми как мечи бровями и глазами феникса, в ослепительных золотых доспехах и шлеме, сверкавшем под жарким солнцем.

Загрохотали военные барабаны, и отряд кавалерии в темных доспехах внезапно выскочил из тени, набросив на него как огромная сеть.

Молодой человек громко рассмеялся, его глаза феникса светились кровожадным холодом. Держа в руках пару золотых молотов, он неустрашимо ринулся вперед, его белоснежный плащ развеялся за плечами.

Яоинь споткнулась и побежала к нему.

- Брат!

Она кричала ему в отчаянии, ее горло болело, как будто его царапало ножом:

- Брат! Немедленно поворачивай назад! Это ловушка!

Ли Чжунцянь ничего не услышал. Размахивая молотками, он продолжил путь. Жуткий свистящий звук прорезал воздух, когда стрелы посыпались, как дождь, как роящаяся саранча, заполонив половину неба плотными черными точками. Стрелы, сверкающие холодным светом, одна за другой пронзали его нагрудник, поражая его со всех сторон. Дюжина копий сбила его с коня, он перекатился и встал на ноги перед склоном. Его окровавленные, изрезанные до костей руки снова подняли свои молоты-близнецы.

Яоинь толкала его, била, плакала и ругала. Ли Чжунцянь стоял неподвижно, весь в крови, в разорванной в клочья одежде. Свет в глазах феникса медленно угасал. Стервятники-канюки кружили и срывались вниз, их острые черно-коричневые клювы разрывали его тело.

Яоинь бросилась вперед и яростно отогнала стервятников прочь.

- Отпустите моего старшего брата! Отстаньте!

Стервятники хлопали крыльями и яростно клевали Яоинь, но она цеплялась за Ли Чжунцяня, израненного и избитого.

.....

- Брат!

Яоинь очнулась от своего сна и вытерла глаза, кончики ее пальцев были мокрыми. Ей приснился еще один кошмар.

Держа свечу в одной руке, служанка, приподняла тонкую ткань балдахина и посветила ей в лицо.

- Ваше Высочество, вам снится кошмар?

Яоинь покрылась холодным потом, ее ночная рубашка прилипла к коже. Она рассеянно что-то бормотала, ее руки все еще дрожали. Она часто видела этот сон, но ни один из ее кошмаров не был более реальным и ясным, чем этот, как будто все это произошло на самом деле.

Лунный свет лился в окно, а за окном стояла неподвижная, как стоячая вода, тишина.

Яоинь нащупала нефритовую шкатулку у подушки и открыла крышку. Яркая лунная жемчужина размером с голубиное яйцо излучала мягкое, ясное сияние. Схватив жемчужину, она вспомнила то, что видела во сне, и сердце ее пришло в смятение. Она сразу же встала, накинула на себя какую-то одежду, покинула свой двор и направилась к северному дому, где жил Ли Чжунцян.

Ли Чжунцян так гордился своим боевым искусством, что отправил своих охранников во внешний двор сторожить, оставив в северном доме только двух мальчиков на побегушках. Охранники не посмели остановить ее, когда она вошла.

Двое слуг сидели спина к спине и дремали, а когда увидели ее приближение, на мгновение замерли, решив, что это фея из их снов. Яоинь сделала жест тишины в их сторону и на цыпочках вошла внутрь. Стоя за ширмой, она приподняла полог, чтобы заглянуть внутрь. Она не хотела будить Ли Чжунцяня, просто хотела увидеть его на несколько мгновений и убедиться, что он жив и здоров.

Кровать была пуста. Яоинь ошеломленно замерла.

В ее ушах вдруг раздался негромкий смех:

- Что Сяо Ци разглядывает в темноте?

Яоинь издала изумленный возглас и нечаянно уронила предмет, который сжимала в руке. Как только она выпустила жемчужину, она среагировала и бросилась вперед, но ее ноги соскользнули, все тело потеряло центр тяжести и нырнуло головой вперед к ширме.

- Берегись!

Пораженный Ли Чжунцянь обхватил рукой талию Яоинь, помогая ей устоять на ногах. С грохотом яркая лунная жемчужина упала на землю.

Яоинь почувствовала боль и наклонилась, чтобы поднять ее, но как только она сделала шаг, ее лодыжку пронзила острая боль. Похоже, она подвернула ногу, когда бросилась вперед.

Она зашипела от боли.

Ли Чжунцянь слегка нахмурился, повысил голос и позвал слугу, чтобы тот вошел и зажег лампу, затем подхватил Яоинь и отнес ее на диван в восточной комнате.

Он услышал шум, как только Яоинь вошла во двор, и поскольку ему не хотелось спать, он встал и стал ждать, когда она придет к нему. Дом не был освещен, она не видела, как он стоял в темноте, сразу же приподняв полог кровати, чтобы заглянуть внутрь.

Под влиянием момента он намеренно издал звук, чтобы подшутить над ней. Как он мог ожидать, что она так испугается?

Яоинь посмотрела прямо на слабый свет в углу:

- Подожди, сначала подними мою лунную жемчужину, не разбей ее.

Ли Чжунцянь нахмурился, его голос был мрачным:

- Давай сначала посмотрим, не получила ли ты растяжение связок.

Яоинь откинулась на спинку дивана, попыталась покрутить правой ногой и вздохнула с облегчением:

- Ничего страшного, просто подвернула, через некоторое время все будет в порядке.

Ли Чжунцянь ничего не сказал, только снял носок с ее ноги, взял у слуги лампу и внимательно осмотрел ее. Только убедившись, что ее правая нога действительно была только подвернута, а не повреждена изнутри, он помог ей надеть носок, встал, подошел к ширме, взял лунную жемчужину и вложил в ее руку.

- Это не редкое сокровище. Если она разбилась, просто выбрось, я найду тебе получше.

Тон Ли Чжунцяня был суров. Ширма в его комнате была большой, от пола до потолка,

инкрустированная слюдяным камнем. Если бы она действительно упала сейчас, она могла разбить голову до крови, а это не шутка!

Яоинь взяла в руки яркую лунную жемчужину, сдула с нее пыль и улыбнулась:

- Брат, мне нравится только эта.

Она ни словом не обмолвилась, что он напугал ее своими выходками, она была мягкой и кокетливо послушной. Ли Чжунцянь беспомощно вздохнул. Увидев, что лоб Яоинь покрыт холодным потом, он мягко спросил:

- Тебе опять приснился кошмар?

При мысли об этом сне сердце Яоинь сжалось, и она кивнула. Подняв лицо, она, не мигая, смотрела на Ли Чжунцяня. Выражение ее лица было напряженным, как будто она боялась, что если она моргнет, то он исчезнет.

Ли Чжунцянь больше не задавал вопросов и мягко сказал:

- Ничего страшного. Это всего лишь сны.

Яоинь опустила глаза и издала приглушенный звук. Она уже слишком много раз произносила слова предупреждения, поэтому не было необходимости повторять их.

Ли Чжунцянь вздохнул, его губы слегка скривились:

- Сяо Ци, я обещаю тебе, что вернусь живым. Если я проиграю битву, я сдамся противнику. Не важно, как сильно они меня унижат, даже если они прикажут мне встать на колени и поклониться им перед моими солдатами, это не имеет значения. Брат обязательно вернется живым.

Яоинь подняла голову, ее глаза округлились, она с недоверием смотрела на Ли Чжунцяня. Он - сын семьи Ли, а его семья по материнской линии была известным на всю страну кланом Се. Как Ли Чжунцянь с его гордостью мог сказать такие негероические слова?

В книге он был окружен кавалерией противника и сражался до самого конца, не выказывая страха, убив нескольких врагов, прежде чем испустить последний вздох.

Старший брат, должно быть, боялся, что она будет волноваться, поэтому он сказал такие слова, чтобы уговорить ее. Сердце Яоинь сжалось, а глаза слегка покраснели.

Ли Чжунцянь поднял руку, чтобы почесать кончик ее носа, и сказал с улыбкой:

- Старший брат сдержит свое слово.

Яоинь всегда считала, что в нем все еще есть что-то от семьи Се, что он открытый и честный, что он сражается за свою страну и скорее умрет, чем сдастся.

Он не смел допустить, чтобы Яоинь узнал, что на самом деле он уже давным-давно изменился.

Какое отношение к нему имела семья Ли?

Какое отношение к нему имеет Великий Вэй?

Какое отношение к нему имеет жизнь и смерть народа?

Какое ему дело до простолюдинов, беспорядков, грандиозных планов, внутренних и внешних проблем... ему наплевать!

Он просто хочет, чтобы Сяо Ци была в безопасности и здорова.

Лунный свет был подобен воде, четко отражаясь на ширме. Ли Чжунцянь взвалил Яоинь на спину и отнес ее обратно в ее комнату. Поговорив с ним некоторое время, сердце Яоинь немного успокоилось. Она честно легла на его спину, обвила руками его шею и сказала:

- Брат, я буду ждать твоего возвращения.

Ли Чжунцянь ответил с улыбкой.

- Когда ты вернешься, будет уже конец лета, - Яоинь отсчитала время, - Я хочу поехать на охоту в Западный сад.

Ли Чжунцянь улыбнулся:

- Хорошо.

- Каждый год в Донгду проводятся гонки на лодках-драконах, поэтому мы возьмем маму в Донгду на несколько дней.

- Хорошо.

Что бы ни спросила Яоинь, Ли Чжунцянь соглашался.

Ее голос становился все более неразборчивым по мере того, как она говорила. Ли Чжунцянь обернулся и увидел, что Яоинь спит на его спине, ее сияющее лицо лежит на его плече, а правая рука сжата в кулак, не забывая даже во сне крепко держать яркую лунную жемчужину.

Он улыбнулся. Должно быть, суета последних дней ее измотала.

.....

На следующее утро Яоинь проводила Ли Чжунцяня в поход. Она стояла на городской стене без головного убора и, положив руки на поддон для стрел, наблюдала, как армия движется на юг.

Ли Чжунцянь на своем коне обернулся в ее сторону и помахал парой золотых молотов. В золотых доспехах и белых одеждах он выглядел очень героически.

<http://tl.rulate.ru/book/72517/2366552>